

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.75:321.01:316.346.32(470)

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-3

Оригинальная статья

Вишневский Ю. Р.
Тарасова А. Н.¹
Початкова Е. И.²

**Роль капитала исторической памяти о Великой Победе
в легитимации государственной политики в сознании
студенческой молодёжи**

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия

¹*a.n.tarasova@urfu.ru*

²*e.i.pochatkova@urfu.ru*

Аннотация. В статье исследуется, как капитал исторической памяти о Великой Отечественной войне влияет на восприятие студенческой молодежью реализуемой государственной политики. Официальный нарратив о Великой Победе, оставаясь ключевым инструментом государственной политики памяти, сталкивается с вызовами цифровизации, ослаблением семейной передачи памяти и конкуренцией с альтернативными интерпретациями прошлого. Авторы анализируют, как капитал исторической памяти конвертируется в легитимацию власти, способствуя росту лояльности молодежи к власти. Исследование основано на концепции культурного капитала П. Бурдье и оперирует тремя его состояниями – объективированным, инкорпорированным и институционализированным – в контексте естественной и конструируемой памяти. Эмпирическую базу исследования составили данные V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2025 г.), охватившего 19 236 респондентов из 82 вузов всех федеральных округов. Для анализа использовались непараметрические методы оценки связей и множественная линейная регрессия. Результаты показали: конструируемая институционально память сильнее влияет на политическую лояльность, чем естественная память. Наиболее значимо влияние инкорпорированной формы капитала исторической памяти: его отсутствие у студенческой молодежи увеличивает вероятность несогласия с реализуемой государственной политикой. Стратегия активного использования исторической памяти как примера для подражания соотносится с высоким уровнем поддержки власти (0,70), тогда как стратегии утраты или отчуждения снижают его до 0,54. Авторы приходят к выводу, что историческая память остается важнейшим социокультурным ресурсом легитимации, но степень ее воздействия зависит от способности государства и образовательных институтов трансформировать внешние смыслы во внутренние убеждения молодежи.

Ключевые слова: капитал исторической памяти; Великая Отечественная война, легитимация государственной политики; студенты; естественная память; конструируемая память; лояльность к власти

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 25-28-00900). <https://rscf.ru/project/25-28-00900/>.

Информация для цитирования: Вишнеvский Ю. Р., Тарасова А. Н., Початкова Е. И. Роль капитала исторической памяти о Великой Победе в легитимации государственной политики в сознании студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 2. С. 32-46. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-3.

Original article

Yury R. Vishnevsky

Anna N. Tarasova¹

Ekaterina I. Pochatkova²

The role of historical memory capital of the Great Victory in the legitimation of state policy in the consciousness of student youth

Ural Federal University,
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia

¹*a.n.tarasova@urfu.ru*

²*e.i.pochatkova@urfu.ru*

Abstract. This article explores how the capital of historical memory of the Great Patriotic War influences the perception of implemented state policy among university students. The official narrative of the Great Victory, while remaining a key instrument of the state's memory politics, faces challenges from digitalization, the weakening of intergenerational family transmission of memory, and competition from alternative interpretations of the past. The authors analyze how the capital of historical memory is converted into the legitimation of power, contributing to an increase in youth loyalty towards the authorities. The research is based on Pierre Bourdieu's concept of cultural capital, which operates within the context of natural and constructed memory through its three states: objectified, embodied and institutionalised. The empirical basis of the study comprises data from the 5th wave of the monitoring project "Russian University Students about the Great Patriotic War" (2025), which covered 19,236 respondents from 82 higher education institutions across all federal districts. Non-parametric methods for assessing relationships and multiple linear regression were used for analysis. The results showed that institutionally constructed memory has a stronger influence on political loyalty than natural memory. The most significant impact comes from the embodied form of historical memory capital: its absence among university students increases the likelihood of disagreement with the implemented state policy. The strategy of actively using historical memory as a role model correlates with a high level of support for the authorities (0.70), while strategies of loss or alienation reduce this to 0.54. The authors conclude that historical memory remains a crucial sociocultural resource for legitimation, but the degree of its impact depends on the ability of the state and educational institutions to transform external meanings into the internal convictions of young people.

Keywords: historical memory capital; The Great Patriotic War; legitimation of state policy; university students; natural memory; constructed memory; loyalty to the authorities

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project № 25-28-00900. <https://rscf.ru/project/25-28-00900/>.

Information for citation: Vishnevsky, Yu. R., Tarasova, A. N., Pochatkova E. I. (2026), “The role of historical memory capital of the Great Victory in the legitimization of state policy in the consciousness of student youth”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (2), 32-46, DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-3.

Введение (Introduction). Нарратив о Великой Победе является важным элементом государственной молодежной политики нашей страны, способствуя сакрализации Великой Отечественной войны как события, формирующего ценности и патриотическую идентичность населения страны (Лебедев, Шаповалова, Рошупкина, Шкапенко, 2020: 3-18). На практике политика памяти в молодежной среде реализуется через просветительские мероприятия в образовательных учреждениях, сохранение памятников и вовлечение молодежи в коммеморативные практики, целенаправленно формирующие патриотическую идентичность. Однако эффективность этого процесса зависит от того, как предлагаемые смыслы воспринимаются современной молодежью.

В этом ключе значительными вызовами являются цифровизация, снижение роли семейной передачи памяти, ввиду все большей временной дистанции от событий более чем 80-летней давности, и, как следствие, возникновение конкуренции интерпретаций прошлого. За счёт активизации роли цифровых источников получения информации о прошлом родной страны «процесс конструирования исторической памяти становится менее централизованным и более индивидуальным, появляются новые способы упорядочивания исторических данных, в первую очередь, в цифровой среде» (Богатова, Дадаева, Шумкова, 2024: 107). Глобальные установки, усваиваемые молодежью, не всегда гармонично соотносятся как с национальными интересами, так и с частными семейными историями, что создает потенциальную проблему конфликта интерпретаций важных для страны исторических событий. У девушек и юношей формируется

«текущая, гибкая, мозаичная, чаще парадоксальная коллективная и семейная историческая память, задающая разнонаправленность их представлений о значимости Победы в Великой Отечественной войне» (Вишневский, Мансуров, Кульминская, 2025: 44). Ответом на данный вызов стало принятие ряда нормативно-правовых актов и норм, нацеленных на защиту исторической правды от искажений (Москалев, 2022: 1070-1081). Тем не менее, на данный момент еще не удалось в полной мере ограничить деформирующее влияние неоднозначных трактовок исторических событий на патриотическое сознание молодого поколения (Вишневский, 2025: 131). Потому актуализируется риск расхождения целей, смыслов и ценностей, заложенных в основу государственной молодежной политики, с их восприятием самой молодежью.

В социальных науках историческая память традиционно рассматривается как ресурс консолидации общества и формирования национальной идентичности (Gusevskaya, Plotnikova, 2020: 1026-1030), служащий в том числе и источником легитимности политической власти, государственных институтов (Mayer, Pawlik, 2023: 139–162). Особую роль в данном контексте исследователи отводят именно памяти о Великой Отечественной войне, отмечая, что «День Победы и ценность «победа» – это базовые основания российского варианта гражданской религии, объединяющей все поколения граждан нашей страны» (Белова, 2022: 19). Таким образом, историческая память, обладая ценностно-эмоциональной насыщенностью, выполняет функцию формирования ключевых компонентов социального капитала – доверия и

солидарности (Никулин, 2025: 174), и может быть операционализирована через призму концепции «культурного капитала» П. Бурдьё.

Рассматривая историческую память как капитал, важно оценить возможности его конвертации в легитимацию государственной политики. В данном исследовании под «государственной политикой» понимается системная деятельность органов публичной власти по реализации стратегических приоритетов развития страны в экономической, социальной, культурной и иных сферах. В данной работе мы ставим своей целью раскрыть, как капитал исторической памяти (далее – КИП) и стратегии его использования связаны с уровнем лояльности студенчества, как традиционно наиболее ресурсной части молодежи, государственной политике.

Основная гипотеза исследования заключается в следующем: официальный исторический нарратив о Великой Отечественной войне выступает культурным капиталом, легитимирующим государственную политику в сознании студенческой молодежи.

Н 1: уровень лояльности к власти окажется статистически выше в группе молодежи, придерживающейся активной стратегии приумножения КИП, по сравнению с группами, для которых характерны стратегии пассивного сбережения, утраты интереса или отчуждения.

Н 2: КИП существует в трех состояниях (объективированном, инкорпорированном, институционализированном); накопление любой из этих форм статистически значимо повышает интегральный показатель лояльности студентов государственной политике.

Н 3: КИП воспроизводится как естественным, так и конструируемым путем, при этом КИП, транслируемый институционально, в большей степени способствует росту лояльности к власти,

чем КИП, формируемый естественным образом.

Методология и методы (Methodology and Methods).

Эмпирической базой исследования послужили материалы V волны мониторинга, реализуемого по инициативе Российского общества социологов (далее – РОС), «Российское студенчество о Великой Отечественной войне», полевой этап которого пришелся на декабрь 2024 – февраль 2025 гг. В 2024-2025 гг. оператором исследования выступило Уральское отделение РОС под руководством Ю. Р. Вишневского. Выборочная совокупность – стихийная, в ходе опроса было получено свыше 25 тыс. ответов от респондентов. Для целей нашей работы мы сфокусируемся на анализе ответов 19 236 студентов, имеющих гражданство РФ и получающих образование на территории нашей страны. В опросе приняли участие студенты из 82 высших учебных заведений, представляющих все федеральные округа страны. В 35 вузах количество участников превысило 200 человек. Таким образом, широта географического охвата и общий объем полученных данных нивелируют недостатки стихийного способа формирования выборки, и позволяют делать выводы относительно всей генеральной совокупности. В выборке преобладают ответы, полученные от девушек (67%), в то время как ответы юношей составляют 33%. Большинство участников опроса являются студентами бакалавриата (72%), 24% обучаются по программам специалитета, а оставшиеся 4% составили учащиеся программ магистратуры, интернатуры и ординатуры. В разрезе направлений подготовки распределение следующее: гуманитарные специальности (40%), медицинские (15%), инженерно-технические (18%), социально-экономические (10%) и естественно-научные (7%). Остальные специальности представлены в незначительном количестве.

Капитал исторической памяти представляет собой социокультурную основу, обеспечивающую преемственность опыта, традиций и ценностных ориентиров, сформированных предыдущими поколениями, то есть является разновидностью скорее культурного капитала, нежели человеческого. В контексте нашего исследования под капиталом исторической памяти понимается капитал исторической памяти Великой Победы, а именно – официальный нарратив о Великой Отечественной войне, транслируемый посредством учреждений образования в нашей стране. Согласно концепции П. Бурдьё, культурный капитал может существовать в трех состояниях, каждое из которых выполняет уникальную функцию в процессе передачи исторического наследия: объективированное, инкорпорированное и институционализированное (Радаев, 2002: 20-32). Объективированный капитал воплощается в материальных артефактах, в предметах, несущих символическую ценность: реликвии военного времени, мемориальные сооружения и иные физические объекты, которые сохраняются и транслируются последующим поколениям как осязаемые свидетельства прошлого. Инкорпорированный капитал проявляется на уровне индивидуального восприятия: это усвоенные знания, а также эмоционально-ценностное отношение к историческим событиям, в частности к Великой Отечественной войне, формирующее личную идентичность и коллективную память. Институционализированный капитал выражается в коммеморативных практиках, реализуемых как в рамках семейных традиций, так и на уровне государственной политики, что способствует их системному воспроизводству в обществе.

Отметим, что взаимодействие указанных состояний капитала с типами памяти порождает многомерную структуру, где механизмы накопления и трансформации КИП обусловлены синергией двух уровней: естественной

памяти (индивидуальный опыт и опыт местного сообщества, передаваемый в семейном и ближайшем социальном круге) и сконструированной памяти (институционально закреплённые нарративы о прошлом, транслируемые через образовательные программы, медиапространство, культурные практики).

Объективированный капитал измерялся через вопросы о наличии и значении материальных носителей памяти: «Хранятся ли в Ваших семьях реликвии военных лет?» – для естественной памяти, и «Как Вы считаете, достаточно ли внимания сегодня уделяется сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен Великой Отечественной войны?» – для конструируемой памяти. Инкорпорированный капитал оценивался посредством вопросов, раскрывающих личностное и эмоциональное отношение к истории: «Чем для Вашей семьи является «День Победы»?» (естественная память) и «Узнали ли Вы в образовательных учреждениях для себя что-либо, что вызвало у Вас чувство гордости за свою страну?» (конструируемая память). Институционализированный капитал анализировался через практики празднования Дня Победы: «Как Вы обычно проводите 9 мая?» – поливариантный вопрос, который позволил выделить как семейные традиции (естественная память), так и участие в общественных мероприятиях (конструируемая память).

Для решения задач данного исследования ответы респондентов были переведены в дихотомическую шкалу, где значение «1» присваивалось только при однозначном подтверждении данного состояния капитала исторической памяти у респондента. Значение «0» присваивалось во всех остальных случаях. Пропущенные ответы и ответы «не знаю», «затрудняюсь ответить» и т. п., как и ответы, фиксирующие четкое отсутствие данного состояния КИП у человека, кодировались как 0, т. к. также характеризуют если не

отсутствие, то не использование данного КИП.

В данной работе мы исходим из того, что помимо наличия у молодежи той или иной формы КИП, немаловажным фактором является стратегия его использования. Для определения последней студентам был задан вопрос: «Приближается 80-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?».

Операционализация стратегий использования через заложенные в вопрос альтернативы представлена в Таблице 1. Выделенные стратегии выстроены в порядковой шкале, характеризующей степень использования КИП: от непонимания и отторжения к постепенной утрате, затем к пассивному сохранению и к активному использованию.

Таблица 1

Эмпирическая операционализация стратегий использования капитала исторической памяти Великой Отечественной войны (Вишневский, 2025: 135)

Table 1

Empirical operationalisation of strategies for utilising the historical memory capital of the Great Patriotic War

Восприятие капитала исторической памяти / Perception of historical memory capital	Стратегии использования капитала исторической памяти / Strategies for using historical memory capital	Альтернативы / Alternatives
Сбережение капитала / Capital savings	Пассивное сохранение / Passive preservation	Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников / The memory of the past war is preserved in the minds of my peers
	Постепенная утрата, стирание / Gradual loss, erasure	С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы / Over the years, the memory of the war has become increasingly blurred in the minds of new generations, overshadowed by other events and issues
Преумножение (конвертация капитала во что-то) / Capital appreciation (converting capital into something)	Активное использование как пример для подражания / Active use as an example to follow	Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений / The heroic deeds of the older generations, their selflessness, and their love for their homeland will serve as an example for future generations
	Непонимание, отторжение / Misunderstanding, rejection /	Героизм и самопожертвование во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи / The heroism and self-sacrifice displayed during the Great Patriotic War have become alien to a significant portion of the younger generation

Таким образом, в качестве независимых переменных выступают стратегии использования КИП, а также его различные состояния в разрезе естественной и сконструированной памяти. Зависимой переменной является уровень согласия с проводимой государственной политикой.

Респондентам предлагалось оценить степень согласия с правильностью направлений развития государственной политики в различных сферах (экономическая, социальная, культурная, молодежная, экологическая политика, геополитика, госуправление), по пятибалльной шкале Лайкерта. Анализ ответов студенческой молодежи показал, что отношение к государственной политике не дифференцируется по отдельным сферам, а формируется обобщенно к проводимой политике в целом. Доказательством этого служит очень высокая согласованность ответов по сферам (альфа Кронбаха – 0,917). Иными словами, позитивная оценка респондентом одного из направлений политики коррелирует с позитивной оценкой всех остальных направлений, негативная – с негативной. Высокая согласованность оценок объясняется тем, что большинство студентов не готовы давать «экспертные» оценки по отдельным сферам, о чем свидетельствует и значительная доля затруднившихся при ответе на вопрос (см. Приложение), в их сознании государственная политика воспринимается как целостный феномен. Впрочем, исследовательская задача заключалась в фиксации общего вектора отношения к государственному курсу. Исходя из этого, интегральный показатель согласия с государственной политикой (индекс лояльности) был рассчитан как средневзвешенная от оценок различных

направлений государственной политики, данных респондентами в шкале от 0 до 1, где 0 – полное несогласие с тем, что политика развивается в правильном направлении, 1 – полное согласие с правильностью проводимой политики. Среднее значение интегрального индекса лояльности составило 0,66, медиана – 0,64, стандартное отклонение – 0,23. Распределение индекса имеет небольшую левую асимметрию (–0,18) и отрицательный эксцесс (–0,32), может рассматриваться как нормальное, учитывая небольшие отклонения (стандартные ошибки <0,04). Но поскольку сам индекс составлен из переменных в порядковой шкале, при анализе данных использовались непараметрические методы, в том числе расчет корреляций Спирмена, U-тест Манна и Уитни, критерий Краскела-Уоллиса. Дополнительно для уточнения степени влияния КИП и стратегии его использования на уровень согласия с проводимой государственной политикой построена модель линейной регрессии. Данные обрабатывались посредством пакета IBM SPSS Statistics (26 версия).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Накопленный капитал исторической памяти и стратегии его использования студенческой молодежью.* Наиболее значимым субъектом, способным целенаправленно конструировать историческую память, способствуя накоплению КИП молодежи, является государство. В нашем исследовании подтверждается, что КИП студенческой молодежи о Великой Отечественной войне и Победе в настоящее время в большей степени конструируется, чем передается непосредственно в семье, что связано с увеличивающейся дистанцией от события (Таблица 2).

Капитал исторической памяти Великой Отечественной войны студентов

Таблица 2

Table 2

Students' historical memory capital of the Great Patriotic War

Форма капитала исторической памяти / The form of historical memory capital	Естественная память / Natural memory	Конструируемая память / Constructed memory /
Объективированная / Objectified	46% сохраняют в семье реликвии военных лет / 46% keep war-time relics in their family	73% следят за сохранением государством, обществом памяти о подвигах солдат, офицеров, тружениках тыла времен Великой Отечественной войны / 73% follow the state and society's efforts to preserve the memory of the heroic deeds of soldiers, officers, and home front workers during the Great Patriotic War
Инкорпорированная / Incorporated	91% отмечают эмоциональную значимость «Дня Победы» для семьи / 91% note the emotional significance of Victory Day for their family	80% испытывают чувство гордости за страну, узнавая что-то в образовательных учреждениях / 80% feel a sense of pride in their country when they learn about it in educational institutions
Институционализованная / Institutionalized	27% сохраняют семейные практики празднования Дня Победы / 27% keep family practices of celebrating Victory Day	84% вовлечены в общественно значимые практики празднования Дня Победы / 84% are involved in socially significant practices of celebrating Victory Day

Менее половины опрошенных (46%) отметили, что в их семье есть реликвии военных лет, чаще всего это фотографии и награды, реже – письма, документы, вещи. Проявление внимания к памятникам военных лет отмечается 73% студентов. День Победы как семейный праздник сохранения памяти о родных, участвовавших в войне, отмечается лишь 27% опрошенных студентов, для большинства же (84%) это скорее общественно значимая практика. Как отмечают белорусские коллеги, вовлечение молодежи в коммемориальные практики способствует формированию исторической памяти лишь при условии эмоциональности, сакральности, сопричастности к прошлому и коллективного участия, а несоблюдение

этих критериев ведет к утрате значимости практики (Пивоварчик, 2022: 82).

Учитывая важность эмоционального отклика, ключевое значение в сохранении и передаче КИП имеет его инкорпорированное состояние. Как утверждает В. В. Радаев, культурный капитал (к которому относится и КИП) передается преимущественно не механически, а в процессе воспитания и социализации (Радаев, 2002: 20-32). Наиболее значим вклад семьи и ее эмоциональный отклик на «День Победы», 91% опрошенных отмечают особую эмоциональную значимость этого праздника для их семьи. Знания, получаемые в процессе обучения важны, но не всегда они усваиваются на эмоционально-личностном уровне, из опрошенных студентов у 80% получаемая в

образовательном учреждении информация в Великой Отечественной войне, конвертируется в чувство гордости за свою страну.

Накапливаемый капитал исторической памяти используется молодежью по-разному. Большинство (55%) ориентировано на стратегию его активного использования как примера для будущих поколений, еще 22% применяют стратегию пассивного сохранения. Направленность на постепенную утрату капитала исторической памяти о Великой Отечественной войне демонстрируют 16% опрошенных и еще для 6% характерна стратегия отчуждения, не понимание этого исторического опыта. Исследователи связывают утрату КИП с попытками очернить события Великой Отечественной войны, продиктованными отказом от советского прошлого (Арясова, 2024: 65), а также с дискретным характером семейной памяти, расходящейся с официальным нарративом, что «чревато распространением среди молодежи отстраненного и даже равнодушного взгляда на события Великой Отечественной войны» (Великая, Голосеева, Ирсетская, 2025: 14).

Фиксируется хоть и слабая, но статистически значимая связь между накапливаемым молодежью КИП и стратегией его использования (коэффициент корреляции Спирмана = 0,2 при $p < 0,001$), т. е. память о событиях Великой Отечественной войны не только инструмент сохранения общего прошлого, но и основа для построения будущего через формирование патриотизма, гражданской идентичности, общих ценностно-нормативных установок.

Степень согласия с государственной политикой и накопление капитала

исторической памяти. Как отмечено выше, среднее значение интегрального показателя согласия с политикой государства (уровень лояльности) = 0,66 в шкале от 0 (несогласие с правильностью политики) до 1 (полное согласие с правильностью проводимой политики), т. е. в целом молодежь скорее согласна, чем не согласна с проводимой политикой. Данный показатель коррелирует с использованием КИП о Великой Отечественной войне (коэффициент корреляции = 0,326 при $p < 0,001$): чем выше накопленный КИП, тем выше согласие с проводимой государственной политикой. Сравнение уровня лояльности в группах студентов, обладающих и не обладающих той или иной формой КИП, показало наличие статистически значимых различий между этими группами (Таблица 3).

При наличии и использовании КИП о Великой Отечественной войне в любой его форме средний уровень лояльности к государственной политике оказывается выше, чем при отсутствии такого капитала памяти. Наибольший прирост согласия с правильностью проводимой государственной политики отмечается при наличии и использовании студентами инкорпорированной формы капитала, как конструируемой (+0,19), так и естественной (+0,15) исторической памяти, что закономерно, учитывая, что именно инкорпорированное состояние привязано непосредственно к субъекту, является его неотъемлемой характеристикой. Капитал конструируемой памяти о Великой Победе не только превосходит капитал естественной памяти (см. таблицу 2), но и обеспечивает более высокий прирост лояльности к государственной политике: средний прирост индекса составляет +0,15 против +0,07 соответственно.

Таблица 3

Уровень лояльности к государственной политике в разрезе групп с разным накопленным капиталом исторической памяти Великой Отечественной войны

Table 3

Level of loyalty to state policy among groups with different levels of accumulated historical memory capital of the Great Patriotic War

Составляющие капитала исторической памяти / Components of Historical Memory Capital		Наличие данной формы КИП / Presence of this form of HMC	Отсутствие данной формы КИП / Absence of this form of HMC	Уровень значимости критерия U Манна-Уитни / Significance level (Mann-Whitney U test)
Естественная память / Natural Memory	Объективированная форма / Objectified form	0,68	0,64	<0,001
	Инкорпорированная форма / Embodied form	0,67	0,52	<0,001
	Институционализируемая форма / Institutionalized form	0,68	0,65	<0,001
Конструируемая память / Constructed Memory	Объективированная форма / Objectified form	0,69	0,58	<0,001
	Инкорпорированная форма / Embodied form	0,70	0,51	<0,001
	Институционализируемая форма / Institutionalized form	0,68	0,53	<0,001

Стратегия использования КИП о Великой Отечественной войне также отражается на лояльности к власти. Средний уровень лояльности у студентов со стратегией утраты (стирания) исторической памяти («С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы») составляет 0,54, среди молодежи, ориентированной на стратегию пассивного сохранения («Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников») уровень лояльности вырастает до 0,65, а при стратегии активного использования КИП («Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений») этот показатель достигает 0,70.

Для проверки гипотезы о том, что уровень лояльности к государственной политике окажется статистически значимо

выше среди молодежи, придерживающейся активной стратегии приумножения капитала, чем среди молодежи, пассивно сохраняющей или утрачивающей КИП, использован критерий Краскела-Уоллиса. Гипотеза подтвердилась с уровнем значимости <0,001, причем попарная проверка подтвердила, что все группы имеют статистически значимые отличия (на уровне 0,001) между собой. Ранее исследователи отмечали, что отношение к Великой Отечественной войне является основой патриотической позиции, а историческая память напрямую связана со статусной позицией «патриот» (Каргаполова, Кошкин, Притуленко, Химич, 2025: 42-67), что, как показано уже в нашем исследовании, отражается на лояльности к власти и росте согласия с правильностью курса государственной политики в разных сферах общества.

Оценка влияния накопленного капитала исторической памяти и

стратегий его использования на лояльность государственной политики. Для того, чтобы определить, какие из выделенных нами факторов вносят наибольший вклад в прирост лояльности к власти, была построена модель множественной линейной регрессии, где в качестве целевой (зависимой) переменной взят интегральный показатель согласия с государственной политикой (уровень лояльности), а в качестве факторов все выше выделенные формы КИП и стратегии его использования.

Построенная регрессионная модель объясняет лишь 17,5% дисперсии

зависимой переменной ($R^2=0,175$), но принимая во внимание сколько различных факторов могут оказывать влияние на лояльность к власти, такой результат можно считать приемлемым, учитывая, что модель в целом получилась высоко значимой ($F=567$ при $p<0.001$) и связь между лояльностью и блоком переменных КИП не является случайной. Критерий Дарбина-Уотсона=1,942 свидетельствует о том, что необходимые предпосылки для регрессионной модели соблюдены, автокорреляция остатков практически отсутствует. В Таблице 4 показаны значения полученных коэффициентов.

Таблица 4

Коэффициенты модели множественной линейной регрессии

Table 4

Coefficients of the multiple linear regression model

Предикторы модели для целевой переменной «Уровень лояльности государственной политики» / Model Predictors for the Target Variable “Level of Loyalty to Public Policy”	Нестандартизованные коэффициенты / Unstandardized Coefficients		Стандартизованные коэффициенты / Standardized Coefficients	t / t	Значимость / Sig.
	B / B	Стандартная ошибка / Std. Error	Бета Beta		
(Константа) / (Constant)	0,342	0,006		54,83	0,000
Стратегия использования капитала исторической памяти / Strategy for using historical memory capital	0,031	0,001	0,150	21,53	0,000
Объективированная форма капитала естественной памяти / Objectified form of natural memory capital	0,019	0,003	0,042	6,23	0,000
Инкорпорированная форма капитала естественной памяти / Embodied form of natural memory capital	0,027	0,006	0,032	4,25	0,000
Институционализированная форма капитала естественной памяти / Institutionalized form of natural memory capital	0,009	0,003	0,018	2,65	0,008
Объективированная форма капитала конструируемой памяти / Objectified form of constructed memory capital	0,069	0,003	0,134	19,89	0,000

Инкорпорированная форма капитала конструируемой памяти / Embodied form of constructed memory capital	0,128	0,004	0,226	31,48	0,000
Институционализируемая форма капитала конструируемой памяти / Institutionalized form of constructed memory capital	0,070	0,005	0,110	14,81	0,000

Все включенные в модель факторы являются статистически значимыми ($p < 0,001$). Построенная модель показывает, что все формы капитала конструируемой памяти (формируемой через образование, идеологию, официальные нарративы) оказывают значительно более сильное влияние на лояльность, чем капитал естественной памяти. Личная, семейная история сама по себе не является мощным фактором лояльности к государственной политике у студентов; она начинает работать только тогда, когда совпадает или усиливается официальным дискурсом. Это подтверждает выводы других исследователей о ведущей роли государства в формировании исторической памяти молодежи (Касьянов, Самыгина, Чупрытников, 2022: 26-31).

Наиболее весомый вклад в лояльность власти вносит инкорпорированная форма капитала конструируемой памяти, т. е. чем глубже молодежью освоены официальные исторические нарративы, ценности и интерпретации, тем выше ее лояльность текущей государственной политике. Ю. А. Зубок и А. С. Любутов в своей работе отмечают, что «смыслы формируются в процессе интериоризации молодежью традиционной и современной культуры» (Зубок, Любутов, 2022: 339). Именно в результате этого процесса внешние, коллективно выработанные значения переходят в личностные смыслы, становясь основой для саморегуляции (Зубок, Любутов, 2022: 343).

На втором месте находится влияние стратегии использования КИП: студенты, активно использующие КИП в качестве примера для подражания, соответственно

более лояльны и к общей государственной политике. Третьим по значимости фактором стала объективированная форма капитала конструируемой памяти. Материальные объекты официальной памяти уступают «инкорпорированной» форме КИП в силу влияния на лояльность, поскольку они доступны для внешнего наблюдения, но не гарантируют внутреннего принятия транслируемых ценностей.

Заключение (Conclusions).

Проведенное исследование, опирающееся на данные массового опроса российского студенчества, подтвердило гипотезу о том, что КИП о Великой Отечественной войне и стратегии его использования выступают значимыми факторами легитимации государственной политики в сознании молодежи. Операционализация КИП через триаду состояний (объективированное, инкорпорированное, институционализируемое) в сочетании с двумя типами памяти (естественной и конструируемой) позволила получить эмпирически обоснованные выводы.

Во-первых, КИП о Великой Победе объективно выступает социокультурным ресурсом, конвертируемым в политическую поддержку. Наличие даже одной из форм КИП значительно повышает интегральный показатель согласия с проводимой государственной политикой, что подтверждает тезис о ценностно-эмоциональной природе связи между отношением к прошлому и одобрением настоящего.

Во-вторых, установлено, что в условиях увеличения временной дистанции от событий 1941–1945 гг. роль семейной

(естественной) передачи памяти снижается, уступая место институционально конструируемому нарративу. Государство, система образования и коммеморативные практики становятся основными агентами формирования КИП у новых поколений. Это подтверждается как более высокой распространенностью конструируемых форм, так и их существенно большим влиянием на признание правильности государственной политики.

В-третьих, наиболее значимым фактором легитимизации выступает интернализация исторических смыслов, превращение их в лично значимые ценности. Именно «присвоение» истории на эмоционально-смысловом уровне обеспечивает ее переход во внутренний регулятор социально-политических установок.

В-четвертых, стратегия применения КИП важна не менее, чем его наличие. Активное использование памяти как нравственного ориентира и примера для подражания закономерно коррелирует с уровнем согласия с проводимой государственной политикой.

Полученные данные могут быть полезны для субъектов государственной молодежной политики, образовательных и культурных учреждений. Эффективность политики памяти как инструмента легитимации государственной политики определяется способностью трансформировать историческое знание из внешней информации во внутреннее убеждение и личностную ценность. Формирование условий для такой интернализации является стратегической задачей, обеспечивающей устойчивость ценностного консенсуса и преемственность поколений в российском обществе.

Список литературы

Арясова А. Ю. Историческая память о ВОВ в социологических исследованиях // Миссия конфессий. 2024. Т. 13, № 4(77). С. 63-67. EDN: IHVCKR.

Белова Т. П. Религиозный фактор исторической памяти российского студенчества о Великой Отечественной войне //

Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 9-21. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-2. EDN: TUPFBD.

Богатова О. А., Дадаева Т. М., Шумкова Н. В. Студенческая молодежь в пространстве исторических практик и нарративов (региональный аспект) // Интеграция образования. 2024. № 1. С. 98-110. DOI: 10.15507/1991-9468.114.028.202401.098-110. EDN: OUDCSL.

Великая Н. М., Голосеева А. А., Ирсетская Е. А. Нарративы постпамяти: репрезентация Великой Отечественной войны в семейной памяти трех поколений // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 14-28. DOI: 10.31857/S0132162525050027.

Вишневский Ю. Р., Мансуров В. А., Кульминская А. В. Студенчество о Великой Отечественной войне: результаты федерального исследования Российского общества социологов (2005–2025 гг.) // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 33-46. DOI: 10.31857/S0132162525070043.

Зубок Ю. А., Любутов А. С. Молодежь в социокультурной реальности российского общества: смысловые детерминанты саморегуляции // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 339-378. DOI: 10.19181/ezheg.2022.13.

Москалев Г. Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 8. С. 1070-1081. DOI: 10.17516/1997-1370-0910.

Никулин В. А. Новые формы накопления и трансформации исторической памяти в социальный капитал современного российского общества // Социология. 2025. № 11. С. 172-175. EDN: OYNFQI.

Память сильнее времени: итоги V волны мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной Войне» (2005–2010–2015–2020–2025 гг.): монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025. 592 с.

Пивоварчик С. А. Историко-культурное наследие и коммеморативные практики в формировании исторической памяти молодежи // Современная молодежь и общество. 2022. № 10. С. 79-83. EDN: QFYCJV.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20-32. EDN: OYUVFF.

Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи / Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рощупкина Н. А., Шкапенко А. А. // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 3-18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1. EDN: KFEVFG.

«Я – патриот»: координаты статусной позиции студенчества России (на примере вузов Москвы) / Каргаполова Е. В., Кошкин А. П., Пritуленко М. С., Химич В. С. // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11, № 2(42). С. 42-67. DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-2-42-67.

Gusevskaya N., Plotnikova E. Historical memory and national identity. *Advances in social science, education and humanities research* // Atlantis Press. 2020. Vol. 505. Pp. 1026-1030.

Mayer M., Pawlik K. Politics of memory, heritage, and diversity in modern China // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2023. Vol. 52, № 2. Pp. 139-162. DOI: 10.1177/18681026231204890.

References

Aryasova, A. Y. (2024), “Historical memory of the Second World War in sociological research”, *Missiya konfessiy*, 13 (4), 63-67, EDN: IHVCKR. (In Russian)

Belova, T. P. (2022), “The religious factor of the historical memory of Russian students about the Great Patriotic War”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (4), 9-21, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-2, EDN: TUPFBD. (In Russian)

Bogatova, O. A., Dadaeva, T. M. and Shumkova, N. V. (2024), “Student Youth in the Space of Historical Practices and Narratives (Regional Dimension)”, *Integratsiya obrazovaniya*, 28 (1), 98-110, DOI: 10.15507/1991-9468.114.028.202401.098-110, EDN: OUDCSL. (In Russian)

Velikaya, N. M., Goloseyeva, A. A. and Irsetskaya, E. A. (2025), “Narratives of Post-Memory: the Representation of the Great Patriotic War in the Family Memory of Three Generations”, *Sociological Studies*, (5), 14-28, DOI: 10.31857/S0132162525050027. (In Russian)

Vishnevsky, Yu. R., Mansurov, V. A. and Kulminskaya, A. V. (2025), “Russian Students about the Great Patriotic War: Results of the Federal Research of the Russian Society of Sociologists (2005-2025)”, *Sociological*

Studies, (7), 33-46, DOI: 10.31857/S0132162525070043. (In Russian)

Zubok, Yu. A. and Lyubutov, A. S. (2022), “Youth in the Socio-Cultural Reality of Russian Society: Semantic Determinants of Self-Regulation”, in Gorshkov, M. K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp. 20* [Russia under Reform: Yearbook: Issue 20], Novy Khronograf, Moscow, Russia, 339-378, DOI: 10.19181/ezheg.2022.13. (In Russian)

Moskalev, G. L. (2022), “Protection of Historical Truth: a New Task of Russian Law”, *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 15 (8), 1070-1081, DOI: 10.17516/1997-1370-0910. (In Russian)

Nikulina, V. A. (2025), “New Forms of Accumulation and Transformation of Historical Memory into Social Capital in Modern Russian Society”, *Sotsiologiya*, (11), 172-175, EDN: OYNFQI. (In Russian)

Pamyat silnee vremeni: itogi V volny monitoringa «Rossiyskoe studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy Voynе» (2005–2010–2015–2020–2025 gg.): monografiya [Memory is stronger than time: results of the 5th wave of monitoring “Russian students about the Great Patriotic War” (2005–2010–2015–2020–2025): monograph], (2025), by Vishnevsky, Yu. R. (ed.), Izdatelstvo Uralskogo federalnogo universiteta, Yekaterinburg, Russia. (In Russian)

Pivavarchyk, C. A. (2022), “Historical-Cultural Heritage and Commemorative Practices in the Formation of the Historical Memory of the Youth”, *Sovremennaya molodezh i obshchestvo*, (10), 79-83, EDN: QFYCJV. (In Russian)

Radaev, V. V. (2002). “The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion”, *Journal of Economic Sociology*, (4), 20-32, EDN: OYUVFF. (In Russian)

Lebedev, S. D., Shapovalova, I. S., Roshchupkina, N. A. and Shkapenko, A. A. (2020), “Social trauma and values of generations: The Great Patriotic War in the historical memory of students”, *Research Result. Sociology and Management*, 6 (2), 3-18, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1, EDN: KFEVFG. (In Russian)

Kargapolova, E. V., Kosshkin, A. P., Pritulenko, M. S. and Khimich, V. S. (2025), “I am a Patriot”: Coordinates of the Status Position of Russian Students (on the Example of Moscow Universities)”, *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 11 (2), 42-67, DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-2-42-67. (In Russian)

Gusevskaya, N. and Plotnikova, E. (2020), "Historical memory and national identity. Advances in social science, education and humanities research", *Atlantis Press*, 505, 1026-1030.

Mayer, M. and Pawlik, K. (2023), "Politics of memory, heritage, and diversity in modern China", *Journal of Current Chinese Affairs*, 52 (2), 139-162. DOI: 10.1177/18681026231204890.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2026 г. Поступила после доработки 03 апреля 2026 г. Принята к печати 10 апреля 2026 г. Received 16 March 2026. Revised 03 April 2026. Accepted 10 April 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Вишневецкий Юрий Рудольфович, доктор философских наук, профессор.

Yury R. Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor.

Тарасова Анна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия.

Anna N. Tarasova, Cand. Sci. (Sociological Science), Associate Professor of the Department of Sociology and Technology of the State and Municipal Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Початкова Екатерина Ивановна, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия.

Ekaterina I. Pochatkova, Assistant Lecturer of the Department of Sociology and Technology of the State and Municipal Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Приложение 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «В правильном ли направлении развивается государственная политика в разных сферах общества?», % от опрошенных по каждой строке (ранжирование по столбцу «Да»)

Appendix 1

Distribution of responses to the question: "Is government policy developing in the right direction across various spheres of society?", row percentages (ranked by the "Yes" column)

Направление государственной политики / Direction of government policy	Да / Yes	Скорее да / Rather yes	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	Скорее нет / Rather no	Нет / No
Культурная политика / Cultural policy	35	30	26	6	3
Молодежная политика / Youth policy	33	29	27	7	4
Социальная политика / Social policy	28	28	31	9	4
Геополитика / Geopolitics	26	24	40	6	4
Государственное и муниципальное управление / State and municipal administration	25	27,5	32,5	11	4
Экономическая политика / Economic policy	25	24	32	13	6
Экологическая политика / Environmental policy	23	22	33	15	7